

Все понимали, о чем он говорит. Небеса преподнесли им первый подарок на Новый год — спойлер.

— Мы в конце концов тоже станем такими? — Цяо Сыци озвучил мысль, которая весь день крутилась у каждого в голове, но никто не решался произнести ее вслух.

Ребята промолчали.

Лишь Сун Фэй, который тоже размышлял над этим весь день, ответил:

— Не станем.

В его голосе не было напускной храбрости или пафоса — лишь спокойная, твердая решимость.

Ван Цинюань скосил на него глаза и намеренно поддел:

— Хорошее начало — половина дела. Но вот начало этого Нового года у нас, кажется, не задалось.

Сун Фэй убрал телефон в карман с таким наглым и самоуверенным видом, будто сам черт ему не брат:

— Раньше мы не знали, что сегодня Новый год, так что это не считается. Наш Новый год начинается прямо сейчас!

— Ла-а-адно, — протянул Ван Цинюань и пожал плечами. Его наигранная обреченность никого не обманула — в глазах уже прыгали смешинки.

Ци Янь тем временем подсуетился и быстро свалил все трофеи на книжную подстилку. Усевшись по-турецки, он оглядел товарищей:

— Чего ждете? Начинаем!

Друзья, какими бы недотепами ни были, всё поняли. Один подпевает, другой подхватывает, третий подталкивает... Да вам троим с такой сыгранностью только на сцене дебютировать!

— Что бы ни случилось раньше, теперь это в прошлом, — Сун Фэй поднял бутылочку кальциевого молока AD. — За то, что мы, к несчастью, постарели еще на год. За это и выпьем!

AD-кальциевое молоко, «Ред Булл», простая вода — разношерстная тара глухо стукнулась в воздухе, но в глазах чокавшихся горел один и тот же огонек надежды.

— С Новым годом!

После гнетущего дня 1-й класс ушэн напоминал измученных ожиданием абитуриентов, которые наконец-то дождались результатов экзаменов. К черту будущее, сейчас они просто хотели оторваться на всю катушку на летних каникулах!

Сделав по символическому глотку «горючего», все разом открыли крышки на стаканчиках с лапшой, которая уже прилично заварилась. Книгохранилище мгновенно заполнилось аппетитным ароматом лапши со вкусом лаотань суаньцай. Этот родной, знакомый запах дарил тепло и покой, заставляя каждого поверить, что они справятся со всем и проживут еще лет пятьсот.

— Это уже второй праздник, который мы отмечаем с тех пор, как всё началось, да? — Ло Гэн с шумом втянул в себя лапшу и проглотил ее, почти не жуя. — Не знаю, как вам, а мне кажется, что этот раз лучше предыдущего. По крайней мере, нас теперь больше, мы успешно раскололи целых два автомата, да и сволочей вроде тех, прошлых, пока не встретили. Так что к следующему празднику, и ко всем последующим, дела у нас будут идти только лучше. Вот увидите.

Цяо Сыци, как раз хлебавший бульон, аж поперхнулся и едва не обжег язык:

— Это с какой стати мы должны встречать следующий праздник и все остальные тоже вместе? Мы что, не можем дождаться спасателей и благополучно выпуститься из этого вуза?!

Ло Гэн на полном серьезе задумался и кивнул:

— Тоже неплохой вариант.

Цяо Сыци помрачнел, с его языка чуть не сорвалось крепкое ругательство.

Товарищи дружно расхохотались. Отсмеявшись, они принялись наперебой обсуждать план штурма столовой. Как-никак, в библиотеке долго оставаться нельзя, а столовая была обязательным и единственным вариантом для их следующего шага.

В целом план уже наметился, оставалось лишь обсудить и проработать ключевые моменты. За едой и разговорами обстановка разрядилась, разговор перетекал с одного на другое без всякого порядка, и в итоге незаметно для всех свернул на обсуждение внутренней отделки столовой.

Первым делом, разумеется, прошлись по стеклянному фасаду здания — уровень ненависти к нему у ребят просто зашкаливал. Затем досталось дверям, окнам, стеклам, мраморному полу и даже соединенным в ряды креслам. Словом, раскритиковали всё подчистую.

Больше всех усердствовал Чжоу Илюй. Но если остальные возмущались на уровне эмоций, то он крушил всё с профессиональной точки зрения. Под конец Сун Фэйю стало даже немного жаль их родную обитель пропитания, и он прервал его:

— Слышь, ты же с архитектурного? Разве архитектору не положено проектировать фасады и конструкции зданий? Почему мне кажется, что вся твоя база знаний ограничивается отделочными работами?

Чжоу Илюй скосил на него глаза:

— Я бы и рад проектировать небоскребы, да кто ж мне даст! Думаешь, я сразу после выпуска стану востребованным архитектором? Дай бог процентов десять с нашего потока пробьются в дизайнеры. Остальные пойдут либо в отделку, либо на стройку прорабами. И это еще хороший расклад, многие вообще сидят без работы и перебиваются случайными заработками.

Сун Фэй почувствовал укол грусти, понимая его как никто другой:

— Да уж. Вот мы, с направления туризма. Думаешь, после выпуска нам дадут управлять курортами? Если возьмут водить туристические группы — уже за счастье.

— И почему мы такие несчастные? — вздохнул Ло Гэн. Он развалился на полу звездой и задумчиво уставился в потолок. — С самого детства только и делали, что зубрили ради

поступления. А когда наконец поступили, приходится ломать голову, как устроиться на работу...

Сун Фэй горько усмехнулся:

— А я бы сейчас дорого отдал за возможность попереживать из-за поиска работы.

«Начинаешь ценить, только когда потеряешь» — эту заезженную фразу Сун Фэй раньше встречал в бесчисленных книгах и фильмах и всегда относился к ней с презрением. Только теперь он понял: избитой она стала лишь потому, что была не в бровь, а в глаз. Если бы время можно было повернуть вспять, он бы непременно взялся за ум, учился изо всех сил и не тратил время впустую. Ведь те самые студенческие будни, казавшиеся когда-то невыносимо скучными и серыми, теперь были для него утраченным раем — спокойной и прекрасной жизнью, которую он больше всего на свете хотел бы вернуть.

Ночь сгущалась. Празднование Нового года в 1-м классе ушэн из шумного и веселого постепенно превратилось в тихие, неспешные посиделки. До конца первого дня наступившего года оставалось всего тринадцать минут. Уставшие тела уже требовали сна, но перевозбужденный мозг отказывался отключаться, все еще переживая отголоски всеобщего оживления.

Цяо Сыци и Чжоу Илюй снова разложили гомоку. В прошлый раз Цяо Сыци разгромили в пух и прах, и теперь он твердо вознамерился поквитаться. Ли Цзинюй поначалу бродил среди стеллажей — для этого книжного червя каждая книга в книгохранилище закрытого доступа сияла словно сокровище. Однако стоило ему вытащить один фолиант и даже не успеть открыть титульный лист, как Ло Гэн бесцеремонно вытащил его наружу, вознамерившись среди ночи обучить армейскому рукопашному бою.

Ли Цзинюй растерялся и честно признался:

— Ты тяготеешь к воинскому искусству, а я — к словесности. Пути наши различны, и нам не по дороге.

Ло Гэн нахмурился, отчего его брови сошлись домиком:

— Да что в этих книгах интересного?

Ли Цзинюй тихо вздохнул:

— Брат Ло, тебе, должно быть, неведомо, что у человека начитанного и облик исполнен благородства.

Ло Гэн закатил глаза:

— Братец Ли, очнись! Кому сейчас нужно твое благородство?

Ли Цзинюй всерьез задумался и пришел к выводу, что это действительно крайне насущный вопрос. На сегодняшний день не было никаких доказательств того, что зомби способны проникнуться чьей-то утонченной натурой и передумать сжирать ее обладателя.

Ло Гэн подготовился к этому разговору. Он взял Ли Цзинюя за руку и с горящим взглядом искренне произнес:

— Почему бы мужу не взять в руки меч и не вернуть родине рубежи? Взгляни на Башню героев — много ли книжников заслужили там почет и славу?

Ли Цзиньюй проникся этими словами до глубины души. Ощувив, как в груди вскипает горячая кровь, он твердо объявил:

— Отныне я, Ли Цзиньюй, оставляю перо ради меча!

Душевные терзания остались позади, впереди был лишь путь воина, без сомнений и страха. Однако время клонилось к ночи, и Ло Гэн решил сначала разобраться с Ли Цзиньюем основные приемы на словах, чтобы на рассвете, с первыми петухами, приступить к тренировкам.

Ли Цзиньюй смотрел, как Ло Гэн быстро выводит на бумаге названия приемов: «выпад с ударом кулака», «удар ногой в горло», «удар сбоку в стойке всадника». Это казалось ему созданием тайного свитка боевых искусств рукой великого мастера. Помня, как легко Ло Гэн разжег в его сердце боевой пыл одним лишь стихотворением, он преисполнился безграничного уважения:

— Брат Ло, ты поистине искусен и в слове, и в деле — настоящий дракон среди людей!

У Ло Гэна дернулась рука, и последний штрих в приеме «подсечка с контратакой» улетел далеко в сторону. Он отложил ручку, простодушно почесал затылок и слегка покраснел от смущения:

— Ну ладно тебе, не захваливай так. После стольких лет зубрежки, когда пришлось учить и физику с химией, и историю с философией, любой сможет вспомнить пару древних стихов.

Ли Цзиньюй не согласился:

— Но ведь в старшей школе классы делятся на гуманитарные и технические.

Ло Гэн рассмеялся:

— Не возвращать же учителям всё, чему они нас учили.

— А я вот всё вернул... — Ли Цзиньюй стыдливо опустил голову, но тут же вскинул ее обратно и уточнил: — Точнее, я этого и тогда не понимал. Особенно физику. Все эти законы всемирного тяготения, электричество, магнетизм, правило левой и правой руки... Я их вечно путал!

— Да что там путать-то? — Ло Гэн искренне не понимал, в чем сложность для братца Кита. — Вам учитель разве не давал записки?

Ли Цзиньюй растерялся:

— Какую записку?

<http://bllate.org/book/18287/1753421>